

КАРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕШЕЕК В 1940-е ГОДЫ: МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ПО ОБЕ СТОРОНЫ ГРАНИЦЫ

В статье рассматриваются некоторые сюжеты истории миграции советского и финского населения в 1940-е годы. Опираясь на опубликованные финские источники и материалы Ленинградского областного государственного архива в Выборге, автор показывает трудности и последствия переселений финских карел, вынужденно покинувших свою родину – территорию, отошедшую Советскому Союзу, заселение и восприятие «новых земель» советскими переселенцами.

Ключевые слова: Карельский перешеек, переселенцы, «эвакко», советско-финляндская война 1939–1940 гг., война – продолжение 1941–1944 гг., послевоенное развитие, восстановительный период, Северо-Западный регион.

G. Bol'shakova

THE KARELIAN ISTHMUS IN THE 1940s: MIGRATORY PROCESSES ON BOTH PARTIES OF THE BORDER

Some subjects from the history of migration of the Soviet and Finnish population in the 1940s are considered in the article. Basing on the published Finnish sources and materials of the Leningrad Regional State Archive in Vyborg, the author shows difficulties and consequences of resettlements of the Finnish Karelian, forced to leave the native land – the territory, departed to the Soviet Union, settling and perception of the “new grounds” by Soviet immigrants.

Key words: Karelian Isthmus, immigrants, “evacco”, the Soviet-Finnish War (1939–1940), war continuation of 1941–1944, post-war development, regenerative period, northwest region.

Итоги советско-финляндской войны 1939–1940 гг. и войны – продолжения 1941–1944 гг. (так финны чаще всего называют Великую Отечественную войну) привели к мучительным процессам миграций

населения как в Советском Союзе, так и в Финляндии. По условиям мирных договоров (Московского 1940 г., перемирия 1944 г. и позже Парижского 1947 г.) Финляндия должна была освободить от присутствия

гражданского населения завоеванные Советским Союзом территории, а советские переселенцы — их заселить и освоить.

В пределах нынешних границ Российской Федерации расположена северная и южная части отошедших территорий: Приладожье до широты, на которой расположена деревня Хиитола, административно входит в состав Республики Карелия, Карельский перешеек является частью Ленинградской области Российской Федерации.

Тема организованной миграции населения в послевоенное время не является новой в литературе. Однако существующие работы российских авторов не очень многочисленны, поэтому исчерпывающего освещения это явление не получило по тем или иным как объективным, так и субъективным причинам. Более того, проблемы миграции финского населения, их размещения на территории Финляндии российскими учеными и вовсе не рассматривались. В круг научных интересов автора данной статьи входит исследование проблемы советского периода развития Карельского перешейка, начавшегося с марта 1939 г., когда, как известно, финны оставили отошедшие земли, а советские переселенцы стали их заселять и обживать.

Следует отметить, что начало исследованиям проблемы оставления финнами и заселения советскими переселенцами Карельского перешейка, положили краеведы Е. А. Балашов и В. Н. Степаков. В частности, Е. А. Балашов собрал и опубликовал обширный краеведческий материал по истории финского и послевоенного периодов развития Карельского перешейка [4]. Достоин внимания сборник «Граница и люди», опубликованный в 2005 г. коллективом авторов — участников экспедиции Европейского Университета в Санкт-Петербурге (Россия) и Университета Йюенсуу (Финляндия), проводившейся в 2000–2003 гг. на территории Приозерского района Ленинградской области и Ланденпохского района Республики Карелия. В сборник включены разделы, посвященные воспомина-

ниям современных жителей региона о периоде эвакуации, переезде и налаживании жизни на новых землях [1]. Тематика обозначенной проблемы становится основой ряда диссертационных исследований [3]. В настоящее время вопросы, затрагиваемые исследователями, приводят к определенному общественному резонансу не только в России и Финляндии, но и далеко за их пределами. Например, со стороны некоторых государств наблюдаются явные попытки подтолкнуть Финляндию к пересмотру границ с Россией [5, с. 88], тем самым разжечь и использовать этническое противостояние. Это, в свою очередь, не может не влиять на стабильность отношений в регионе.

Финские ученые, понимая важность поднимаемой темы, активно стремятся ее изучать. Следует отметить, что если до 1990-х гг. большинство публикаций издавалось на финском, шведском, английском языках и было недоступно российским гражданам, то теперь появилась литература и на русском языке, обращенная к русскоязычному читателю [2].

В Финляндии комиссия по культуре организации «Карельских обществ Уусимаа» в течение 1997–1998 гг., например, собрала у беженцев с отчужденных территорий их путевые заметки и описания нового места жительства. Сведения поступили также и от организаций, и людей, принимавших эвакуированных финских жителей. В результате, в общей сложности, было получено в виде записок и магнитных пленок более двухсот материалов (сведения на 2001 г. — Г. Б.) [9, с. 19]. Изучение советской истории бывших финских земель стало одной из основных задач международного проекта [1, с. 7], возглавляемого финским историком Антти Лайне. Существующие интернет-сайты Ленинградской области [11], Финляндии [12] и сетевые издания в виде форума дают возможность вести открытый, многообразный и компетентный диалог, а также сообщать о новостях, относящихся к проблеме.

Сложившаяся ситуация, степень разработки проблемы и дали возможность продолжить восполнение пробела в целостном восприятии послевоенных событий и связанными с ними миграционными процессами с обеих сторон: финской и советской. В настоящее время этот вопрос особенно актуален. В современном мире происходят идентичные события, когда в результате военных действий страдают и гибнут люди, становятся беженцами, вынужденно покидают свою родную землю. Важно, на наш взгляд, напоминать о том, что трагедия военной и послевоенной поры, заключается в том, что, по большей мере, ее переживает простой народ независимо от национальности, на долю которого выпадают такие страшные испытания, как утрата семейного очага, оставление родных мест и всего того, что входит в понятие «родина». В сороковые годы XX в. это испытание пережили как финские, так и советские переселенцы. Трагизм положения финских карел заключался в том, что народ дважды покидал свою землю, родную, унаследованную от дедов и отцов. Другой народ — советский, имеющий иную культуру, язык, традиции, ее заселял, но уже по-своему осваивал, часто нарушая и искажая отлаженную общественную систему жизни населения бывшей финской земли. Покидая переданные территории и переселяясь на новые места жительства в своей стране или за рубежом, финские переселенцы чувствовали себя изгоями — «эвакко», так как по отношению к ним использовали это слово. («Эвакко» — от *лат.* *evacuate* — перемещать, опустошать. — Г. Б.).

До начала военных действий 30 ноября 1939 г. неоднократно предпринимались дипломатические шаги по переносу государственной границы вглубь Карельского перешейка. Закрепленная договором государственная граница по р. Сестра, в 32 км от Ленинграда, была приемлемой между административными единицами одного государства, но таила в себе потенциальную опасность, став границей между дву-

мя самостоятельными государствами. Советское правительство пыталось обеспечить безопасность северо-западным рубежам страны и, прежде всего, Ленинграду, являвшемуся вторым по величине и значимости городом СССР.

В 1938 г. секретно, в начале октября 1939 г. уже открыто Советский Союз в очередной раз потребовал переговоров и обмена территориями. В течение более двух месяцев в Москве велись безрезультатные переговоры. Финляндия упорствовала, так как передача территории, а также военноморской базы в Ханкониеми, которые требовал Сталин, решительным образом снизил бы обороноспособность страны. Угроза войны в то время была настолько очевидной, что финскому населению приграничных деревень, Выборга и островов Финского залива в целях безопасности было предписано покинуть родные места. С двадцатикилометрового коридора приграничных территорий было эвакуировано около 45 тысяч финских карел. Уезжая, жители очень надеялись на скорое возвращение. Из воспоминаний Яло Суурсохо, пережившего такую эвакуацию: «Осенью 1939 г., когда Советский Союз угрожал Финляндии войной для реализации своих территориальных претензий, жителям острова Лавансаари пришлось оставить места, служившие им домом в течение столетий, а многим и отказаться от своих привычных занятий и профессий. Во вторник, 10 октября, в 18 часов 1 200 жителей получили приказ ленсмана (ленсман — основное публичное должностное лицо в сельской местности. Он руководил деятельностью сельской полиции; в суде выступал как официальный обвинитель и судебный исполнитель; кроме того, ведал сбором налогов. — Г. Б.) в течение двух часов подготовиться к отправке на материк. С собой разрешалось брать только некоторую одежду и еду <...>. До начала военных действий 30 ноября, жители острова как с разрешения официальных лиц, так и без разрешения неоднократно плавали на лодках на

остров за оставшимся там имуществом и инвентарем <...>» [6, с. 71].

Несмотря на то, что московские переговоры очередной раз были прерваны, и отношения между государствами оставались отнюдь не стабильными, финны не допускали вероятности войны. Поэтому дальнейшие события способствовали тому, что некоторые из эвакуированных вернулись в свои дома до ноября 1939 г. Жизнь стала входить в прежнее русло. Осенью 1939 г. даже начали работать школы. После срыва попытки обеспечить безопасность Ленинграда дипломатическим, мирным путем советское руководство пришло к выводу, что в условиях начавшейся Второй мировой войны эту проблему можно решить только военным путем.

Начавшаяся советско-финляндская война вызвала новую серьезную волну эвакуации. Финское население спешно покидало родные места, бросая все, что мешало мобильному передвижению, и уезжало вглубь Финляндии. В то время, когда мужчины были на фронте, эвакуация детей, стариков, больных легла на плечи женщин, пожилых мужчин и даже детей. При 20–30-градусном морозе, недостатке средств передвижения и их загруженности, вследствие военных перевозок некоторым эвакуирующимся пришлось уходить на десятки километров по запруженным, узким дорогам лишь с малым количеством провизии, так как разрешалось из семейного хозяйства брать только самое необходимое. При этом страдали не только люди, но и домашние животные. Некоторая часть скота, выгнанного из теплых хлебов на мороз, замерзла в пути. Из воспоминаний очевидца событий Тойни Пелтонена: «Мой дом находился в Пюхьярви. Старики и дети были эвакуированы отсюда в субботу 2 декабря 1939 г. Деревню необходимо было оставить к 17 часам. Из моей семьи в путь отправились 67-летняя бабушка, мать, два брата и двое детей моего дяди. Отец, сестра и жена дяди ушли в понедельник вместе со скотиной <...>. Я дежурила на телефон-

ной станции в соседней деревне. Уже там я узнала об оставлении родного села. Я хотела попрощаться с родными. До дома было около 9 километров. Один мужчина подвез меня немного на лошади. Когда мы выехали на гору Хиета-ахо, то увидели пылающее небо и грохот. Вытирая слезы, смотрели мы на эту страшную картину. Родная деревня была покрыта темнотой. У ворот мяукающая кошка пришла мне навстречу. Оказалось, что все родственники уже ушли на остановку, которая была примерно в трех километрах <...>. На остановке было не счесть количества людей, беженцев. Вначале я нашла бабушку. Она сидела в темноте среди тюков. Первое, что она сказала, было: «Если бы мне умереть до станции Пюхьярви, ты бы положила меня рядом с дедом в Хаукканиеми». И не было обиды в голосе оттого, что пришлось бросить и унаследованную от отцов землю, и все, что составляло смысл жизни. Помещение станции было забито. Плакали дети. Вид всего этого терзал душу» [9, с. 19].

В марте 1940 г., когда на Карельском перешейке установилась новая государственная граница, была объявлена тотальная эвакуация финского населения с отходящих СССР территорий. Присоединенные земли должны были быть очищены от сотен тысяч прежних жителей. Вспоминает Йорма Сильвеннойнен: «Мы потеряли дома и стали бездомными <...>. В течение двух дней нам необходимо было оставить дом и в мешках привезти на железнодорожный вокзал столько зерна, сколько успеешь. Скотину нужно было отправить с погонщиком в направлении новой границы; в телегу погрузить всю необходимую пищу и одежду <...>. Вряд ли можно было позавидовать судьбе многих карельских семей. Эвакуация была закончена, впереди ожидала суровая действительность. На новых местах многие семьи жили в холодных избах. С едой было сложно, одежда осталась на родине, а новую купить было невозможно, так как все было по карточкам» [9, с. 21].

Для перемещения и размещения финского гражданского населения на новых местах вселения финским правительством была разработана переселенческая программа. Более половины переселенцев-карел были земледельцами, для них необходимо было найти новые земли в других районах Финляндии. Парламентом Финляндии был принят закон о срочном расселении и о компенсации имущества. План размещения переселенцев касался в основном лишь жителей сельских районов — земледельцев, обладавших правом на фермерские усадьбы. Они составляли 35% от всех переселенцев. Земледельцев Карельского перешейка стремились поселить на таком расстоянии от Хельсинки, которое соответствовало бы расстоянию их бывших усадеб от Выборга. При размещении переселенцев финские власти стремились к тому, чтобы выходцы из одного района селились поблизости друг от друга. Например, неподалеку от Куовола, на территории муниципалитета Валкеала образовались целые деревни, населенные выходцами с Карельского перешейка. Расселение столь большой части людей было делом нелегким. Эвакуированным в местах вселения не всегда оказывали радушный прием. Кто-то понимал ситуацию, пытаясь облегчить жизнь переселенцам. Некоторые откровенно видели в прибывших «эвакко» только дешевую рабочую силу и смотрели на них свысока.

Как отмечают финские источники [10, с. 9], массовая эвакуация в ноябре — декабре 1939 г. была плохо подготовлена, поэтому не все жители Карельского перешейка смогли вовремя выехать. Жители восточных деревень в районе Суоярви были взяты в плен, часть из них погибла в лагерях. В районах, расположенных дальше от границы, эвакуация проходила более спокойно, однако и здесь не было возможности вывозить имущество.

С марта 1940 г. на Карельском перешейке начался новый период развития — советский, который продолжался до августа 1941 г. Организованное переселение советского населе-

ния «на новые земли» осуществлялось планомерно и было под контролем соответствующих органов партийно-государственной власти. За пятнадцать месяцев мирной и два месяца условно мирной жизни советские переселенцы только начали заселение и свое обустройство на отошедших землях. Однако в июле — августе 1941 г., после начала Великой Отечественной войны, началась их эвакуация с Карельского перешейка.

С сентября 1941 г. финское население вновь стало возвращаться в свои родные места. Из воспоминаний Мирьи Куйсмин-Нурми: «Прошло полтора года, как мы покинули свою родину. Возвращение захватывало дух. Свое имущество погрузили на повозку, которую тянула лошадь, а две коровы шли следом. Это была вся наша мирская собственность в тот момент. Стоял сентябрь, работавшие на полях люди удивлялись, когда мы говорили, что отправляемся на родину. <...> Прибыли в Ихала (родная станция). После русских станция была в ужасном состоянии. Поехали на лошади в Мюллюкюля, в дом, где жили предки, где родились и отец, и дед. В деревне не раздавалось ни звука. Мы были первыми возвратившимися из всех жителей. Первую ночь провели в конюшне вместе с лошадью. Оставленный русскими дом был холодный и грязный» [9, с. 21].

Возвращающееся население еще не знало, что им придется оставить родину еще раз и навсегда. Через два года и десять месяцев, в июне 1944 г., когда в ходе военной операции «Карельский вал», разработанной Ставкой Верховного Главнокомандования, советская армия начала наступление на Карельском перешейке и отвоевала его буквально за десять дней, финское население вновь бежало от наступающего фронта. Успешные боевые действия советских войск на Карельском перешейке привели к тому, что финляндское правительство решило начать частичную эвакуацию из столицы Хельсинки и предоставило Государственному совету чрезвычайные полномочия.

Уроки первой эвакуации (1939 г.) в Финляндии не были забыты. Поэтому при эвакуации в 1944 г. финские переселенцы размещались более организованно, преимущественно в губерниях Уусимаа, Кюми, Хяме, а также Турку и Пори. Выходцев из западных районов Карельского перешейка разместили на территориях южного побережья с финским населением, из других районов – в северных районах Кюминлааксо и Хяме. При размещении населения старались учитывать то, чтобы новые земли были по экономическим возможностям, по природе и транспортным связям максимально похожи на родные места, из которых прибывали переселенцы. Горожан, эвакуированных с отошедших территорий и работавших в промышленности, расселяли в более крупных городах и населенных пунктах страны. Столь значительная миграция привела к серьезным проблемам, одной из которых была резкая нехватка жилья. Особо остро это почувствовали в Хельсинки. Целые семьи размещались в преобразованные под временное жилье бомбоубежища, школы и другие общественные здания [10, с. 11]. Из воспоминаний Йормы Сильвонен: «Вторая эвакуация прошла более организованно, времени на нее было три недели. Карелам опять пришлось купить Финляндии независимость своими родными местами <...>. Многим семьям приходилось по много раз переселяться из, порой, непригодных мест проживания даже на другой конец Финляндии» [9, с. 21]. О трудностях переселения рассказала Марта Сааринен: «<...> После долгой и нерадостной дороги прибыли в Юливиеска, где сошли с поезда. Вид был неутешительный. Вся территория станции была полна имущества переселенцев и животных. Сотни, может тысячи животных, стояли в загоне. Они все кричали от голода, от жажды, оттого, что находятся в чужом месте. Нас отвезли в Калайоки, в дом собраний молодежи. Оттуда разбирали по семьям местные хозяева» [9, с. 21]. Привыкание к новым условиям проходило не-

однозначно. Некоторые карельские семьи тяжело переживали расставание с родными местами, другие относились к переселению спокойно и терпимо. Из воспоминаний Лауры Лайтсаари: «От себя могу сказать, что у нас не было никаких сложностей с привыканием на новом месте, среди новых людей. Нас всегда хорошо принимали, где бы мы ни жили. К нам относились по-человечески. Мы много трудились, добывая хлеб насущный» [9, с. 23].

Таким образом, в результате войн более 400 тысяч финских карел вынужденно покинули родные места, а советские люди, занимавшие освобожденную территорию, должны были освоить ее и сделать своей новой родиной. Советские переселенцы были тоже своего рода вынужденными переселенцами. Они оставили свою родную землю, на которой жили и придерживались традиций многовекового уклада. Полные новых надежд и ожиданий, переезжали в неизвестность. На новом месте советские люди пытались привыкнуть к новым условиям. Максимально использовалось чужое, при этом уничтожалось все то, что не созидалось. Налаживание жизни советских переселенцев на новом месте носило разрушительный характер. Адаптация новоселов проходила болезненно и не так гладко, как кажется на первый взгляд. Новые жители переживали острую опасность, исходящую от чужого мира. Например, люди голодали при изобилии оставленных в подвалах и ямах прежними хозяевами продуктов. Старшему члену семьи с риском для жизни приходилось пробовать еду, не отравлена ли она, чтобы затем отдать детям. Советские переселенцы ощущали различие между новоприобретенными и оставленными на родине вещами, и это различие проводило границу между двумя мирами – финским и российским. Заметим, что с первым появлением советских переселенцев и вплоть до настоящего времени происходит переструктурирование природного и культурного пространства Карельского перешейка, жизнь внутри которого ста-

ла протекать и протекает до сих пор по другим принципам. Резко отличным и неоднородным было отношение у прежних его жителей и у советских новоселов к труду, быту, культуре. У финского населения были сформированы и действовали свои многовековые традиции: основательное и неспешное отношение к жизни в целом и к «мелочам». Как известно, мелочи, собственно, и создают целостный законченный образ. У советского населения было свое видение дальнейшего пребывания на новоприобретенных землях, возрождение которых на советский лад часто привносило губительную тенденцию в их развитие. Из воспоминаний Бориса Тикка, непосредственного очевидца событий послевоенного времени. Его семья приехала на Карельский перешеек, в город Койвисто (ныне Приморск. — Г. Б.) в 1945 г. из эвакуации: «В городе поражаало обилие самой разнообразной зелени: розовый кустарник, жасмин, диковинный декоративный кустарник и много различных видов деревьев. Бросались в глаза аккуратно ухоженные частные сады. Дом от дома располагался на большом расстоянии. Дороги были аккуратные с ровным песчаным полотном, очень хорошо укатанные. Когда шли дожди, они были сухими. Основная дорога города — Выборгское шоссе была размечена километровыми столбами из красного гранита, один из которых стоял напротив почты по правой стороне дороги на Выборг. Цифра указывала расстояние до Выборга. Все эти столбы как-то незаметно года через два — три исчезли <... >. Одноэтажный дом, в котором нас разместили, находился в двух километрах от Койвисто в Тервохартяла. Дом был большой, и мы заняли только его третью часть. В этом доме, как и во всех остальных, рядом стоящих, все было исправно, и они выглядели, как недавно построенные. К каждому дому были подведены электрические витые медные провода, но электроток не было. В домах была выполнена электропроводка кабелем в алюминиевом кожухе, который аккуратно

прилегал к стенам и потолку. Заходя в помещение, особенно если сохранились обои, казалось, что хозяева покинули его временно и находятся где-то рядом <...>. В нашем саду было много яблок, ягод, росли какие-то красные ягоды, внешне похожие на красную смородину, сладкие с крахмально-кисельной структурой (мы их называли «финскими ягодами»). Этих ягод мы почему-то больше нигде не встречали и в Койвисто тоже <...>. Поначалу все жители активно пользовались всем тем, что было оставлено финнами. Однако как-то незаметно и довольно скоро все понемногу стало исчезать или приходить в негодность. Электрические столбы почти мгновенно были спилены на дрова, хотя кругом был лес, а в лесу стояло много сухостоя. Медные провода на столбах и электрическая проводка в домах были сорваны, и все это сдавалось в пункты приема металлолома. Однако через 2—3 года эти же люди, но уже по указанию и под руководством местных властей ставили новые столбы на эти же места и заново проводили в домах электропроводку, но уже по-советски, на фарфоровых роликах, а на столбы — алюминиевые провода». Были исключительно редко примеры и другого отношения переселенцев к жизни. «Так, большая и дружная семья Дмитриевых старалась в полной мере использовать и развивать оставленное финнами хозяйство. Когда через 2—3 года во всех домах округи все было уже уничтожено, разграблено и приведено в негодность, к Дмитриеву обращались кто за тележкой, кто ободрать или промолоть зерно или за каким-либо инструментом. Он не отказывал. Однако эти же люди за глаза называли его кулаком, куркулем», — вспоминал Б. Тикка [7, с. 84—87]. Из воспоминаний М. И. Тимошенко, полковника в отставке, бывшего в 1940 г. лейтенантом 33 пограничного отряда, расквартированного в поселке Сякки-Ярви с апреля 1940 г. по июнь 1941 г.: «Карельский перешеек — это суровый край. Валуны, гранитные скалы, мелкий еловый лес, озера и покинутые ху-

тора. Запомнился город Виипури (Выборг) сразу после его захвата. Ни одного финна в городе не оставалось, разрушенных домов мало. В некоторых магазинах и на складах было много разного товара. Город — его дома, магазины, театры и кино с вывесками на иностранном языке, центральная площадь, парк отдыха, мосты через пролив, крепость, часовая башня, улицы, вымощенные шлифованными брусками — производили необычайно сильное впечатление своей красотой и какой-то мощью <...>. Хорошо помню поселок Сякки-Ярви (ныне Кондратьево. — Г. Б.), где жил. Домик, выделенный мне, был маленький, но очень уютный. Потолок, стены обиты тонкой под орех доской, пол — сплошная плита, очень толстая и теплая. Кухня — чудо: трехкомфорочная плита, в нее вмонтирован трехведерный бак для подогрева воды, отличные полки для посуды, шкафы <...> [8, с. 48—49]. Из воспоминаний жительницы п. Мельниково: «Финны жили совсем иначе. У каждого был свой огороженный участок. Скот гулял в одном месте, сенокос у них в другом. Если дрова были нужны, их заготавливали в специально отведенном месте, рыбу ловили каждый на своем месте. А теперь все общее. Все загубили: поля запустили, мелиорация нарушена, канавы заросли. По правде, говоря, бесхозяйственность. Хозяина нет хорошего...» [1, с. 89].

В заключение следует отметить, что миграционное движение как финского, так и советского населения оказало воздействие на дальнейшее развитие многострадальной

земли Карельского перешейка. Переход территории «из рук в руки» во все времена оборачивался трагедией, которая в первую очередь касалась населения. С уходом прежних финских жителей исчезла целая среда обитания, ее материальный и духовный мир. Прервались все местные традиции и связи. Прежнего Карельского перешейка, имевшего репутацию экономически процветающей части Финляндии, считавшегося загадочной «страной рунопевцев и седобородых кантелистов», местом, где бережно сохранялась историческая память и где придерживались старинных укладов и дедовских традиций, не стало. Связи финских переселенцев со своими родными местами прервались на десятилетия, так как граница Советского Союза до 1990-х гг. была закрыта для финских граждан.

Новые жители — советские переселенцы, в этом смысле начинали жизнь с пустого места и по своим законам. Освоение переселенцами новых земель происходило как в области материального (изменялись системы землепользования, коммуникации, транспорта, видовой состав животного и растительного мира и т. д.), так и в области идеального (создавались историко-политические мифы, оправдывающие переселение, возникала собственная (микро)топонимика). И это освоение шло по закону «ухудшения времени». В определенном смысле смена населения на долгие годы значительно задержала социально-экономическое и культурное развитие завоеванной территории, изменила его темпы, характер и результаты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Граница и люди. Воспоминания советских переселенцев Приладожской Карелии и Карельского перешейка. — СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2005.
2. *Матти Клинге*. Очерк истории Финляндии. — Хельсинки: Оттава, 1996.
3. *Смирнова Е. Н.* Заселение и освоение новых районов Карело-финской ССР в 1940-е годы: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. — Петрозаводск, 2006.
4. *Степаков В. Н., Балашов Е. Н.* В «новых районах». Из истории освоения Карельского перешейка 1940—1941, 1944—1950 гг. — СПб.: Нордмедиздат, 2005.

5. *Степашин С. В.* Безопасность человека и общества (политико-правовые вопросы). – СПб.: Санкт-Петербургский юрид. ин-т МВД России, 1994.
6. *Суурсохо Я.* Неожиданный уход. Эвакуация из Лавансаари. – Хельсинки: ПроКарелиа, 2001.
7. *Тикка Б.* Воспоминания о детстве в Койвисто // В. Н. Степаков, Е. Н. Балашов. В «новых районах». Из истории освоения Карельского перешейка 1940–1941, 1944–1950 гг. – СПб.: Норд-медиздат, 2005.
8. *Тимошенко М. И.* Воспоминания. – Л., 1990.
9. *Хонканен М.* Суровая судьба карельского народа в 1939–1944 гг. – Хельсинки: ПроКарелиа, 2001.
10. Что такое Карелия / Пер. с фин. – Хельсинки: АО «Ателье Эскелин», 1997.
11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.47news.ru>; <http://www.city.vbg.ru>; <http://www.gazetavyborg.ru>; <http://www.kannas.nm.ru> и др.
12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://prokarelia.net>; www.heninen.net и др.